

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224

УДК 39

С. Ю. Белорусова

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2069-3452
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

■ Исчезают ли нагайбаки?

А Н Н О Т А Ц И Я . В декабре 2022 года был опубликован пятый том Всероссийской переписи 2020 г., который представил новые сведения по языковому и национальному составу населения страны. Среди прочих результатов выяснилось, что численность нагайбаков, согласно переписи 2010 г. составлявшая 8148 человек, уменьшилась почти на треть — до 5719 человек. Последние десять лет я следила за успешным развитием этничности нагайбаков, так что информация переписи стала для меня неожиданной. В связи с этим возникла необходимость в еще одном исследовании (едва ли не расследовании) — захотелось выяснить, что за последнее десятилетие случилось с коренным малочисленным народом Южного Урала, который так ярко представлял свою этническую культуру. Статья состоит из пяти разделов. В первом разделе (под названием «Волны этничности») рассматриваются этапы истории нагайбаков — с возникновения группы до сегодняшнего дня. В разделе «Виртуальная идентичность» исследуется современное позиционирование нагайбаков в интернет-среде. Третий раздел «YouTube-взаимодействие» представляет дискурс нагайбакской идентичности через исследование комментариев к ролику «*Аш биру* у нагайбаков». Четвертый («Голос нагайбаков») основан на материалах опроса, проведенного в социальных сетях, и представляет мнение нагайбаков о причинах сокращения численности. В пятом разделе («Размышления об исчезновении») приводятся основные результаты и выводы. Отвечая на вопрос «Исчезают ли нагайбаки?», нужно учитывать, что народ не теряется и не растворяется, а вступает в новый этап этнической истории. Из экстравертов конца 1990-х — начала 2000-х гг. они возвращаются в привычное им по XX в. состояние этнических интровертов, только на этот раз не по причине императивного установления идентичности извне, а в результате обретения статуса, обеспечивающего реализацию собственной этничности. Это не замирание или забвение, а успокоение, которое является частью их жизненного ритма и этнической динамики.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :

нагайбаки, Всероссийская перепись населения, идентичность, виртуальная этничность, этнопроекты, этническая история, *Аш биру*, *YouTube*

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я :

Белорусова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? *Этнография*. 2023. 1 (19): 203–224. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224

S. Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2069-3452
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

■ Are Nagaibaks disappearing?

ABSTRACT. In December 2022, the fifth volume of the 2020 All-Russian Census was published, which provided new information on the linguistic and national composition of the country's population. Among other results, it became known that the number of Nagaibak people, which amounted to 8,148 in the 2010 census, has decreased by almost a third — to 5,719 people. For the last ten years, I have been following the development of the ethnicity of the Nagaibaks, so the census information surprised me. The results required another study, almost a detective investigation. I wanted to find out what happened to the indigenous small-numbered people of the Southern Urals over the past decade, who were so adamant about representing their ethnic culture. The article consists of five sections. The first section (entitled “Waves of Ethnicity”) examines the stages in the Nagaibak history: from the group's emergence to the present day. The section “Virtual Identity” explores the modern positioning of Nagaibaks in the Internet environment. The third section, “YouTube interactions”, presents the discourse of Nagaibak identity through the study of comments on the video “*Ash Biru* at Nagaibaks”. The fourth, “Voice of Nagaibaks”, is based on the materials of a survey conducted via social networks. It represents the opinion of Nagaibaks about the reasons for the reduction in numbers. The fifth section, “Reflections on the disappearance”, presents the main results and conclusions. Answering the question “Are Nagaibaks disappearing?” one should remember that the peoples do not disappear or dissolve but instead enter a new stage of ethnic history. From extroverts of the late 1990^s — the early 2000^s, they return to the state of ethnic introverts they were accustomed to in the twentieth century, only this time not because of the imperative imposition of their identity from the above but as a result of acquiring a status that ensures the realization of their ethnicity. This is not fading or oblivion but calming down, part of their life rhythm and ethnic dynamics.

KEYWORDS: Nagaibaks, All-Russian Population Census, identity, virtual ethnicity, ethnic projects, ethnic history, *Ash Biru*, *YouTube*

FOR CITATION: Belorussova S. Are Nagaibaks disappearing? *Etnografia*. 2023. 1 (19): 203–224: (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224

В декабре 2022 года был опубликован пятый том Всероссийской переписи 2020 г., который представил новые сведения по языковому и национальному составу населения страны. Среди прочих результатов обнаружилось, что численность нагайбаков, составлявшая согласно переписи 2010 г. 8148 человек, уменьшилась почти на треть — до 5719 человек. Последние десять лет я следила за успешным развитием этничности нагайбаков, так что информация переписи стала для меня неожиданностью. Одной из основных идей прежних моих исследований было признание нагайбаков народом-экстравертом, открыто демонстрирующим свою культуру и выражающим этническую идентичность. Казалось, в последние годы общность нагайбаков переживала подъем (в том числе в отношении динамики численности), а получилось, что как раз на период моих исследований пришелся их численный спад: первая экспедиция состоялась в 2011 г., а монография «Динамика этничности нагайбаков» вышла в 2019 г. (Головнёв и др. 2011; Белоруссова, 2019а). В связи с этим возникла необходимость провести еще одно исследование (едва ли не расследование) для выяснения того, что за последнее десятилетие случилось с коренным малочисленным народом Южного Урала, который так ярко представлял свою этническую культуру. Исчезают ли нагайбаки?

В основе обновленного исследования лежит несколько методологических подходов. Во-первых, это многолетняя полевая работа, в которой сочетаются включенное наблюдение, опросы, анкетирование, фото- и видеофиксация. Во-вторых, использование принципов киберэтнографического анализа: через наблюдение за интернет-форумами, группами и страницами специализированных веб-ресурсов и социальных сетей, а также с помощью виртуальных опросов и анкетирования. Некоторые интернет-материалы (например, видеоролик «*Аш биру* у нагайбаков» на канале *YouTube*) были созданы мной и стали одним из источников исследования нагайбакской этничности в виртуальной среде. В-третьих, методологию проекта определяют концепции этничности (идентичности) и мобильности, главным образом — антропологии движения, позволяющей рассмотреть исторические основания и современную динамику этничности (Головнёв 2009). Кроме того, использован прием «крупного плана», который позволяет увидеть общие темы в проекции конкретного сюжета, мотивов и действий определенного персонажа (Головнёв 2007; 2010).

Статья состоит из пяти разделов: 1. «Волны этничности», в котором рассматриваются этапы истории нагайбаков — с возникновения группы до сегодняшнего дня; 2. «Виртуальная идентичность», где исследуется современное позиционирование нагайбаков в интернет-среде; 3. «*YouTube*-взаимодействие», в котором представлен дискурс нагайбакской идентичности через исследование комментариев к ролику «*Аш биру*

у нагайбаков»¹; 4. «Голос нагайбаков», где на основе опроса в социальных сетях представлено мнение нагайбаков о причинах сокращения их численности; 5. «Размышления об исчезновении», где приводятся основные результаты и выводы данной работы.

ВОЛНЫ ЭТНИЧНОСТИ

Согласно официальным данным, с конца XIX в. динамика численности нагайбаков выглядит следующим образом: в 1897 г. их было 10 949 чел., в 1926 г. — 11 219 чел. (Атнагулов 2015), в 2002 г. — 9 600, в 2010 г. — 8 148, в 2020 г. — 5 719 чел. Для того чтобы связать приведенные цифры с «обликом» народа, обозначим основные этапы его истории.

Начало. Появление нагайбаков связано с колонизационной политикой Российской империи 1730–1740-х гг., когда в степном поясе Урала шло строительство Оренбургской оборонительной линии и подавление мятежа башкир 1735–1741 гг. Одной из военных баз на Большой Московской дороге стала основанная в 1736 г. Нагайбакская крепость. Она сыграла роль сборного пункта и места крещения «инородцев» (татар, ногаев, башкир, черемисов) и чужеземцев (беглых пленников — арабов, турок, персов), принимавшихся на поселение или казачью службу на степной границе Российской империи. Таким образом, это сообщество сложилось на перекрестке путей, а культура их изначально представляла собой своего рода мозаику. Они впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской религии, ислама и язычества, с другой — элементы русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казацкой), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп. Такое сообщество могло сформироваться только на пограничье с его особым напряжением и разнообразием.

Переселение. Радикальный сдвиг этничности у нагайбаков произошел век спустя, в 1842–1843 гг., после принятия руководством Оренбургской губернии решения о переселении казаков Нагайбакской крепости на Новую линию для обороны границ от кочевников — киргиз-кайсаков. Казаки-переселенцы отнеслись к этой идее без энтузиазма: для них это означало потерю связи с освоенной землей (родиной) и оставшимися на прежнем месте родственниками. В песнях, пословицах и сказаниях нагайбаков эта «служебная миграция» сохранила налет трагизма. Общие трудности и переживания обустройства на чужбине дополнительно

¹ Написание данного раздела меня вдохновила статья А. В. Головнёва «Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени», где автор исследует реакции пользователей на собственный видеоролик «Кружение оленей» (Головнёв 2019).

сплотили переселенцев, получивших особое название по месту их прежней дислокации (Нагайбакской крепости) — нагайбаки. Правда, переселение разделило их на три группы — южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую), не считая четвертой, остаточной сохранившейся в Бакалинском уезде Башкирии. На новом месте нагайбаки построили новые станицы (поселки) и в качестве жалованья за казачью службу получили земельные наделы, постепенно превратившись из стражей границы в оседлых аграриев. Находясь в окружении двух разных культур — русских и казахов, — нагайбаки сохраняли свою особость, выражавшуюся в их замкнутости, в том числе в брачной эндогамии и опоре на родственно-соседские взаимодействия. В основе закрытости нагайбаков лежала их отчужденность от других народов, которые, в свою очередь, воспринимали казаков-нагайбаков как «других».

Укрепление. С 1870-х до 1910-х гг. самосознание нагайбаков подкреплялось соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особости: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — на их отличии от русских казаков (родственных по религии). В результате эти воздействия по-разному сказались на облике трех групп: южная смилила не только религиозное самосознание, но и этническую идентичность — сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы сохранили конфессиональную приверженность православию (за исключением отдельных селений, например Требии). К началу XX в. у нагайбаков центральной группы оформилось осознание себя как отдельной общности со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах.

На этом этапе сформировался треугольник этнической самобытности нагайбаков (православие — казачество — язык), который стал своего рода ограничителем и основанием их как народа. Изменение вероисповедания ведет к смене этничности (опыт южной группы нагайбаков). Отсутствие социального статуса казаков не отличает их от других крещеных татар и кряшен. Наконец, ориентация на русский язык делает нагайбаков схожими с соседним православным русским казачьим населением. Не исключено, что в прошлом эти маркеры были препятствием для их слияния с другими этническими группами. Однако в наше время три основания самобытности становятся подтверждением независимого статуса народа: сегодня нагайбаки акцентируют внимание на своей православной вере, прошлом казачьем статусе и наличии собственного языка.

Запрещение. С 1930-х гг. у нагайбаков произошел очередной поворот в этничности: после переписи 1939 г. их перестали считать

отдельным народом и причислили к татарам. Репрессии советского времени были направлены против всех этнических оснований нагайбаков — православия (атеистическая пропаганда), казачьего статуса (политика расказачивания) и нагайбакского говора (в обучении и официальном общении его заменил татарский язык). Кроме того, из реестра народов в переписях и документах (свидетельствах о рождении и паспортах) исключили позицию «нагайбак», в результате чего народ формально прекратил свое существование. Вдобавок вместо распространенного в прошлом позитивного образа отважного казака-нагайбака в информационный оборот была запущена уничижительная версия об их принудительном крещении («насиленно крестили в вонючем болоте»). В советское время быть нагайбаком было неудобно и нестатусно, а формально и просто невозможно. Поэтому часть нагайбаков приняла татарскую идентичность, часть — русскую, а часть — нейтральную советскую. В течение жизни двух поколений (1940–1980-е гг.) этничность нагайбаков пребывала в латентном состоянии и характеризовалась закрытостью и интровертностью.

Ревани. Этнический реванш нагайбаков пришелся на постсоветский кризис. В их движении сошлись векторы религиозного, казачьего и этнокультурного возрождения. Кроме того, в этнической мобилизации роль «кормчего» сыграл лидер нагайбаков Алексей Маметьев, оказавшийся обладателем оптимального набора качеств, нужных в тот момент для решительного этнического самоопределения нагайбаков и обретения ими формального статуса «коренного малочисленного народа». Сценарий успеха этнического проекта Маметьева состоит из множества деталей: личных черт, приобретенных во время службы, политической обстановки в стране и др. Кроме того, в своих воспоминаниях Маметьев писал о неудовлетворенности судьбой из-за «навязанной» ему военной карьеры, долгой жизни за пределами родины, вынужденного ухода на пенсию с партийной службы из-за разлада с руководством. Все это сопровождалось ощущением несправедливости в отношении себя, своего народа, родных и предков. Отчасти «нагайбакский» проект Маметьева был попыткой самореализации.

По воспоминаниям нагайбаков, их первым и самым значимым проектом было создание музея в с. Фершампенуаз в 1985 г. В скором времени открылись еще два музея — в пос. Париж и Остроленском. Пространство музеев оказалось пространством этничности — нагайбакские экспозиции способствовали созданию творческих коллективов и ансамблей, организации народных праздников и даже проведению обрядов и богослужений на родном языке. Этническая опора в виде создаваемого нагайбакского мира и всеобщего воодушевления среди сообщества подтолкнула Маметьева к идее убедить в самобытности самих нагайбаков

и вышестоящие административные инстанции, что привело к «этническому триумфу» — включению нагайбаков в перечень коренных малочисленных народов (Головнёв, Белоруссова 2018).

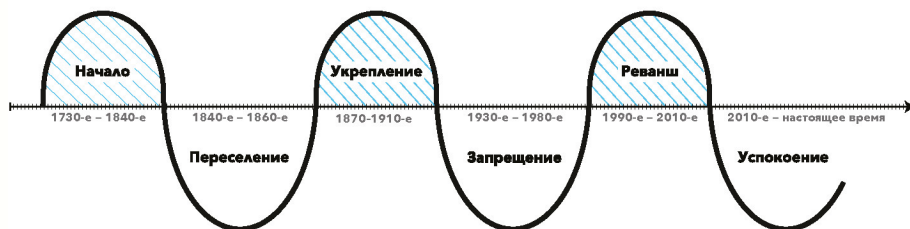
Успокоение. После смерти Алексея Маметьева нагайбаки продолжили проектную деятельность: в 2006 г. открыли музей в пос. Кассельский, а в 2010 г. соседняя северная группа создала свое музейное пространство в с. Попово. В 2012 г. в честь 200-летия победы над Наполеоном группа из 23 нагайбаков предприняла путешествие по местам славы предков, отправившись в европейские города — в Париж, Фер-Шампенуаз, Арси-сюр-Об, Кассель, Остроленка (Белоруссова 2013). В числе последних этнических проектов было строительство церквей: в 2017 г. на средства нагайбачки Елены Васильевой в пос. Париж был открыт храм в честь Дионисия Ареопагита, а в 2018 г. жители пос. Остроленский завершили строительство церкви во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница».

Одним из трагических моментов этнической истории нагайбаков последних лет стал пожар в музее пос. Остроленский в 2012 г., который полностью уничтожил здание и большую часть экспонатов. Для жителей гибель музея была равносильна утрате собственного дома: многие до сих пор не хотят об этом говорить, ссылаясь на боль от потери. Судя по этому печальному событию, музей как фундамент новой этнической истории нагайбаков несет особый смысл для их идентичности.

После Маметьева у нагайбаков так и не появилось выраженного лидера, и со стороны могло показаться, что их этнопроектная деятельность постепенно замирает. На открытии храма в пос. Париж не было ни телевизионных компаний, ни представителей администрации, ни людей со стороны. Если раньше народные праздники были масштабными событиями с приглашением гостей, то сегодня это скорее мероприятия «для своих». Будучи в экспедиции в с. Фершампенуаз в 2022 г., я узнала о праздновании дня рождения фольклорного коллектива «Чишмелек» случайно — никто об этом не объявлял; и на мероприятии по этому поводу я была едва ли не единственной гостьей среди местного сообщества нагайбаков.

Складывается ощущение, что нынешние творческие инициативы нагайбаков сменили тон, регистр: проявление этнической идентичности стало приобретать тихое, почти семейное звучание. Жизнь народа не столько угасает, сколько успокаивается. Нагайбаки удовлетворены сами собой и своими мероприятиями, праздниками, собраниями. Прежняя борьба за этничность и эйфория по поводу признания отдельным народом как будто сменились на успокоение в новоприобретенном статусе (см. график).

График. Волны спада и подъема этнической идентичности нагайбаков

ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Пятнадцать лет назад среди коренных малочисленных народов случился интернет-бум: они начали налаживать киберкоммуникации, создавать аккаунты и группы, представлять культуру в виртуальном пространстве. По предварительным наблюдениям, активность в сети может косвенно влиять на реальные статистические показатели. Например, за последние 10 лет бесермяне основали десятки сетевых сообществ во *ВКонтакте* и *Instagram*, где обмениваются новостями, обсуждают текущие дела и проблемы, демонстрируют этнические праздники и обряды. Посредством сети они реализуют гранты, проводят конкурсы, фестивали, этнотуры (в том числе виртуальные). Как результат, если в период с 2002 по 2010 г. численность бесермян упала на 921 человека (с 3122 до 2201), то в 2020 г., после десятилетней интернет-активизации, количество бесермян уменьшилось, но несущественно — на 165 чел. (до 2036).

Народ водь на сегодняшний день является одним из самых малочисленных в России, при этом вожане проявляют повышенную активность в социальных сетях: во *ВКонтакте* у них более десяти сообществ, самое многочисленное из которых — «~Общество Водской Культуры~» — включает более тысячи человек. Свою невысокую численность представители сообщества преподносят в качестве бренда и уникальности, называясь «самым малочисленным народом России». Рост популярности малого народа в сети сочетается с увеличением его численности в реальности: если в 2010 г. водью назвали себя 64 человека, то в 2020 г. — 99 (Белоруссова 2022).

В начале 2010-х гг. нагайбаки стали включаться в сетевое пространство: создавали страницы, налаживали коммуникации, рассказывали о своей этнической культуре, искали в сети родственников, связь с которыми по прошествии лет была утрачена. Нагайбакские группы представляли площадку открытой коммуникации — пользователи видели необходимость сообщать о принадлежности к этнической группе, рассказывать

о нагайбакских предках и корнях. Например, Сергей Кулаков признался: «Только после 40 лет узнал, что я нагайбак — интересно!» В конце сообщения он оставил номер своего *Skype*, предполагая продолжение общения по данной теме.

Первые виртуальные группы нагайбаков создавались на основе триады их этнической самобытности: одни делали акцент на православной вере, другие — на казачьем прошлом, третьи — на собственном языке. Согласно описанию, целью группы во *ВКонтакте* «Общественное движение “Нагайбаки”» является «объединение участников Общественного движения Нагайбакского муниципального района “Нагайбаки”, а также земляков, проживающих за пределами малой Родины, и иных единомышленников, обмен информацией, обсуждение насущных вопросов, организация взаимопомощи и взаимоподдержки, сохранение нагайбакских культурных традиций». Поста́м этой группы свойствен казачий уклон: администраторы публикуют сообщения об истории нагайбакского боевого прошлого, приводят цитаты известных военных деятелей, пишут о новостях, связанных с казачеством. В группе актуальна православная тема — на странице выложены посты с цитатами из Евангелия, изображениями икон и призывами к совершению религиозных обрядов. В группе «КАЗАКИ-НАГАЙБАКИ» пользователи делятся старинными фотографиями, публикуют информацию о своих предках, ищут сведения о потерянных в начале XX в. родственниках-казаках. Сообщество «Нагайбакский язык» приглашает присоединиться всех, «кто говорит на нагайбакском языке или хочет узнать о нем больше». В группе публикуются материалы по нагайбакской письменности, сборники и словари, а также новости из жизни нагайбаков.

Как правило, те нагайбакские группы и сообщества, которые не акцентировали внимания на какой-либо из «граней» триады самобытности, теряли свой этнический колорит: группа «Нагайбакский мир» в *Одноклассниках* в последние годы посвящена обсуждению хозяйственных проблем, а сообщество во *ВКонтакте* «Нагайбак» стало доской объявлений по купле-продаже, обмену, поиску работы и др.

Группы «Нагайбаки Челябинска», «Кряшены и Нагайбаки Москвы», «Питерские нагайбаки» и др. создавались по территориальному принципу: их администраторы как будто пытались собрать находящихся за пределами родины нагайбаков в виртуальное сообщество, заодно создавая идеализированный образ своей этнической группы:

Мы гордые потомки тех самых славных воинов, о которых Наполеон, негодуя, как-то обмолвился: «Дайте мне 1000 таких казаков, и весь мир будет лежать у моих ног!» Мы чтим память о наших победоносных предках, о чьи шашки и пики ломались неприступные стены и в ужасе бежало множество армий супостата, о чью крепость духа и мужества

разбивались как волны варварские орды. Приглашаем в данную группу всех тех, кому не безразлично прошлое, настоящее и будущее сильного духом, совестливого, трудолюбивого нагайбакского народа... Яшасен нагайбаклар — Да здравствуют Нагайбаки!!!

Как правило, «локальные» виртуальные группы создаются теми пользователями, которые недавно покинули свои родные места (Головнёв и др. 2021; Белоруссова 2021). Сообщество «Питерские нагайбаки» основано уроженцем пос. Остроленский Петром Юскиным: по его описанию, «группа создана для помощи, общения и взаимодействия тех, кто переехал из Нагайбакского района в Санкт-Петербург либо является другом или знакомым из Нагайбакского района». Несмотря на то что в группе так и не случилось общения между питерскими нагайбаками (контент группы не обновлялся несколько лет), вероятно, создание виртуального сообщества послужило психологической опорой для пользователя, желающего на новом месте найти соплеменников. Подобная судьба — у группы «Париж и парижане», основанной уехавшими в Казань уроженцами села Париж Дмитрием и Викторией Кадыкеевыми. Сегодня сообщество неактивно, правда, время от времени в нем оставляют объявления и вопросы по поводу переезда в Париж — но не в нагайбакский, а во французский.

Традиционная культура нагайбаков также подверглась виртуальной адаптации. Уроженец пос. Остроленский Виктор Исаев выкладывает в сеть современные ремиксы старинных песен нагайбаков, тем самым привлекая внимание молодежи к народному творчеству. Нагайбакский коллектив «Сак сок» попытался перенести виртуальные хиты в реальность, исполнив на одном из фестивалей традиционную песню «Миндэ юг» в современной обработке Исаева. Правда, зрители не оценили «новшество» — то ли публике было непривычно слушать интернет-хит на «живом» концерте, то ли не все, что имеет успех в виртуальности, обретает популярность в реальной жизни.

Живущие за пределами этнической родины нагайбаки нередко становятся виртуальными этноактивистами. Бакалинский кряшен Валерий Зарубин родился и живет в районе бывшей Нагайбакской крепости, откуда в 1842 г. переселили предков казаков-нагайбаков на Новую линию. Родственники Зарубина были ясачными крестьянами и не участвовали в переселении. Зарубин, ощущая связь и родство с нынешними нагайбаками, живо интересуется их историей, а также владеет внушительным архивом отсканированных копий ревизских сказок селений Нагайбакской крепости начала XIX в. Старинный архив воспринимается нагайбаками как сокровенное наследие, что повышает авторитет Зарубина как хранителя истории и генеалогий нагайбаков. Многие интернет-беседы по поводу нагайбакской этничности сопровождаются «включением»

Зарубина и представлением его архивных материалов, где он показывает связь Нагайбакской крепости как территории исхода (заодно и свою) с нынешними нагайбаками.

Житель Орска Сергей Васильев стал известен нагайбакам благодаря своему блогу, где он публикует видеоролики с нагайбакским фольклором («Нагайбакские бэиты (сказания)», «Нагайбакские прибаутки», «Нагайбаки шутят» и др.). У этих видео десятки тысяч просмотров, ролики активно обсуждают, пользователи делятся впечатлениями, воспоминаниями и собственным опытом. Когда Васильев приезжает в Нагайбакский район, местные жители, знакомые с его интернет-творчеством, встречают Сергея как своего. Таким образом, виртуальность позволила ему войти в нагайбакское сообщество в реальности.

Нагайбаки нечасто принимают участие в виртуальных обсуждениях, однако оживленно реагируют на посты, посвященные их фольклору, воспоминаниям о детстве и юности. Например, на запрос с моей страницы «подсказать пословицу (поговорку, просто фразу), которая отражает суть нагайбаков» нагайбаки оставили 148 ответов. Видео Васильева «Нагайбакские прибаутки» набрало 186 комментариев, «Нагайбакские бэиты» — 56, «Нагайбаки шутят» — 20. В обсуждениях они делятся познаниями нагайбакского народного творчества, вспоминают прошлое, обмениваются историями о предках, ищут общих родственников. Подобное общение напоминает посиделки прежних лет, где каждый находит своего собеседника, поддерживает интересующую его тему, делится своими мыслями и ощущениями. Такой вид взаимодействия постепенно уходит из реального пространства, зато обретает похожую форму в виртуальности.

Если в начале 2010-х гг. интернет-пространство служило площадкой виртуального позиционирования нагайбаков, то в последние пять лет заметно снижение киберактивности: обсуждения в группах практически не ведутся, а прежние блогеры уже не выкладывают записей. В 2015 г. 78-летняя пенсионерка Ольга Барышникова занималась переводом интерфейса *ВКонтакте* на родной язык (ее инициатива была встречена с интересом в медиапространстве), однако данная работа так и не была завершена. С одной стороны, создается впечатление, что виртуальная жизнь народа «сошла на нет». С другой как и в случае с этническими проектами, сегодня нагайбаки в большей степени ориентированы не на обозначение «себя» для «других», а на внутренний поиск. Это находит выражение в периодическом, несколько бессистемном обновлении контента на персональных аккаунтах и неспециализированных группах. Во время пандемии нагайбаки публиковали видео со сказками, пословицами и песнями. На своей странице пользователь Николай Саперов выкладывает материалы о предках, архивные данные и воспоминания. Семья Васильевых организовала семейный ансамбль «Нагайбаки»,

выступления которого публикует на своем канале в *YouTube*. Создается впечатление, что на смену экстравертному позиционированию пришел интровертный интерес, часто хаотичный и импульсивный, по-своему отражающий виртуальную идентичность народа.

YOUTUBE-ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Наиболее острые обсуждения по поводу истории и идентичности нагайбаков происходят в комментариях на платформе *YouTube* под посвященными нагайбакской культуре роликами. Такие видео, как «Нагайбаки села Париж», «Нагайбаки, кто они? Татары-христиане или ногайцы», «*Аш биру* у нагайбаков», «Кто такие нагайбаки?», «Кто же вы, нагайбаки?», «Путь нагайбаков: долг, боль и свет», востребованы среди пользователей и имеют десятки тысяч просмотров и сотни комментариев.

Табл. 1. Анализ видеороликов о нагайбаках на *YouTube*

Название видеоролика	Источник	Количество просмотров	Количество комментариев
Нагайбаки села Париж	Настоящее время. Док	291 тыс.	652
Нагайбаки, кто они?	TAMIK	61 тыс.	803
<i>Аш биру</i> у нагайбаков	Svetlana Belorussova	44 тыс.	330
Кто такие нагайбаки?	Idel.Реалии	27 тыс.	414
Кто же вы, нагайбаки?	Andrew Gupalo	40 тыс.	367
Путь нагайбаков: долг, боль и свет	Татар Кино	7 тыс.	67

Для исследования нагайбакского *YouTube*-дискурса я рассматривала комментарии пользователей к собственному ролику «*Аш биру* у нагайбаков», который выложила 6 лет назад. В сравнении с другими видео, представленными в таблице, «*Аш биру* у нагайбаков», во-первых, является независимым авторским проектом — его обсуждение не контролируется со стороны модераторов и, таким образом, имеет открытый характер; во-вторых, данный ролик посвящен не нагайбакам вообще, а части их традиционной культуры — обряду *Аш биру*. Подобный сюжет является

«крупным планом» не только идентичности народа, но и самого нагайбакского дискурса.

Аш биру ('давать суп (пищу, обед)') — это поминальный обряд, который проводится в честь усопшего близкого родственника и сопровождается закланием (жертвоприношением) коровы, а также праздничной трапезой. На *Аш биру* собирается несколько десятков (не менее 40) человек, а в былые времена на обряд приходила вся деревня. Нагайбаки говорят, что подготовка к обряду занимает не меньше года, а некоторые готовятся к нему всю жизнь. *Аш биру* отражает значимость родственных отношений среди нагайбаков: считается, что даже после смерти они не обречены на одиночество, а попадают в круг покойных родственников. Живые тщательно оберегают покой мертвых — беспокойный усопший не сулит добра тем, кто остался на земле. Как правило, *Аш биру* — закрытый обряд, в котором участвуют только родственники покойного, а присутствие «чужих» не приветствуется. По своей структуре он синкретичный и полиэтничный, вобрал в себя различные религиозные ритуалы, в том числе языческие, мусульманские и православные. Некоторые элементы *Аш биру* встречаются и у финно-угорских (удмурты), и у тюркских народов (татары, киргизы, алтайцы, чуваша, башкиры).

Видео «*Аш биру* у нагайбаков» было снято в с. Попово (северная группа), а сам обряд проводился не по одному конкретному усопшему, а по всем воинам-нагайбакам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Жители помнят, что бойцы «отстояли честь родины, а *Аш биру* по ним так и не был сделан», поэтому обряд проводили в праздничный день 9 мая 2015 г. в честь 70-летия Победы. На обряд в с. Попово были приглашены почетные гости, его снимала челябинская съемочная группа. Таким образом, этот *Аш биру* имел открытый характер, отражал желание нагайбаков демонстрировать традиции за пределами своего сообщества.

За шесть лет ролик «*Аш биру* у нагайбаков» посмотрели 44 тысячи пользователей на *YouTube* и 22 тысячи — в Одноклассниках. Под видео оставлено более 300 комментариев — в основном от татарских пользователей, а также от казахских и ногайских. Менее активно ролик обсуждался киргизами, башкирами, турками, узбеками, русскими и кряшенами. Некоторые казахи, татары, киргизы, узбеки и турки оставляли комментарии на родном языке.

Поговорить о нагайбаках часто означало поведать о самом себе: многие воспринимали их идентичность через призму собственного этнического опыта. Значительное число комментариев выдавало национальность пользователя, его язык или религиозную принадлежность. Комментаторы писали: «я казах, понял их язык без перевода», «у киргизов тоже называется аш», «никогда не слышал о ногайбаках. Я сам ногаец» и т. п.

Этничность. Комментаторов удивляли сходство произношения, элементов одежды, деталей обряда и внешности нагайбаков с их

собственными чертами, языком или ритуалами. В отношении языка пользователи писали: «Странно видеть — разговаривают на ногайском и крестятся», «... чисто на татарском говорят, да», «100% по-казахски сказали. Произношения звуков наши».

Большинство комментаторов не воспринимали нагайбаков отдельным этническим сообществом и «прикрепляли» их к более крупным народам (часто к тем, к каким себя относил пользователь):

Aitbala: «У них [язык. — *Прим. С. Б.*] больше похож на наш казахский. Я думаю, они выходцы из Казахстана».

Stockholm: «Может, это крещеные ногаи? Ногаи ведь когда-то отделились от казахов».

Ильгиз Галиев: «Нагайбаки — это татары, которым насильно насаждалось христианство».

Некоторые пользователи «сочувствовали» нынешней идентичности нагайбаков:

Акылима: «Жарайсындар кыргыз бауырлар» («Раненые киргизские братья»).

Ильдус: «Ногайбаки, кровные братья Башкортам! В жизни увижу их, обниму кровный народ».

Альфия Швеккендик: «Бедный мой татарский народ. Разбросан, крещен — где насильственно, где добровольно».

Ренуа: «Дай Аллах вам процветание и воссоединение со своим ногайским народом. Мы всегда с вами в радости и горе».

Татарские пользователи были более категоричны в желании отнести нагайбаков к своему сообществу: «как были татарами, так и остались, вера только поменялась!!!!!!!!!!»; «нагайбаки, как бы вы себя ни называли, все равно вы татары». Пользователи другой этнической принадлежности иногда пытались противостоять «татарскому натиску», отстаивая нагайбаков: «просто в свое время всех ногайцев приписали татарам»; «крещеные ногаи никакого отношения к татарам не имеют»; «если они татары, то почему не татарбаки?».

Судя по никнеймам, единственными, кто «признавал» нагайбаков полноценным этническим сообществом, были русские пользователи. Ольга Федорова высказалась: «Обязательно нужно сохранить

историю, язык этого народа... Мир нашим домам. В единстве, уважении наша сила». Кира Романова прокомментировала: «Молодцы, свой язык и обычаи сохранили!» Вася Гуляй оставил напутствие: «Главное, чтобы сохраняли свой язык и традиции. Пока говорите на родном языке проводите свои обряды, вы нагайбаки, и никто не имеет право упрекать, указывать, как жить этому народу. Будьте сильными, не растворяйтесь среди русских».

Впрочем, нередко именно русским доставались упреки за нынешнее «тяжелое» положение нагайбаков: «Русская империя наделала делов...»; «русские уничтожили у многих народов язык, культуру, обычаи и веру»; «что натворили русские — уничтожают народы на корню».

В большинстве своем комментаторы не верили в будущее нагайбаков и предсказывали их неизбежное исчезновение: «Скоро они исчезнут, растворятся и станут Русскими», «смотрю и плачу! Сердце болит и комок в горле. Еще несколько поколений, и исчезнете (растворитесь) ведь!» Пользователи писали и благопожелания, например: «Я казак, вас люблю и уважаю!» Кое-кто делился познаниями о героическом прошлом нагайбаков: «это потомки гвардейцев Сююмбике», «они охранники татарских земель», «это они гнали войска Наполеона до Парижа». Однако комментариев, поддерживающих нагайбакскую идентичность, было значительно меньше, чем пожеланий кардинальной смены их этничности или рекомендаций присоединиться к другому народу.

Религия. Религиозный синкретизм обряда *Аш биру* вызвал у пользователей неоднозначные реакции:

Timur Tiylibaev: «Вы ж мусульмане по языку, как так получилось, что креститесь?»

Ханум Магомедова: «Все хорошо. Но что там делает икона, не могу понять».

Ильсур Садриев: «Зачем коверкать обе религии, не пойму».

Марат марат: «Коран читать надо, а не икону. А в остальном все прекрасно».

В комментариях пользователи-мусульмане не упускали случая наставить нагайбаков на путь к истинной вере — исламу: «Нагайбаки, завязывайте с православием. Вы тюрки и по обычаям, и по образу жизни»; «Примите Ислам... Не морочьте себе и людям голову... Неужели у вас нет старожилков, чтоб поставить Вас на истинный путь?» Особенную поддержку среди пользователей получил комментарий от нагайбака, который перешел из православия в ислам: «Нагайбаки! Вернитесь

в лоно ислама, и тогда огромный камень падет с ваших плеч! Я знаю, что говорю, я тоже нагайбак с Чебаркульского района, но считаю себя татаринном и вернулся в ислам!».

Некоторые пользователи увидели в проведении *Аш биру* кощунство и искажение религии: «Они не мусульмане и не имеют право упоминать Аллаха, если они крестятся и в доме икону держат»; «Глупости! Раз молятся по-русски, пусть и делают все по-русски!!!»; «Хватит. Вы — мусульмане». Пользователи называли нагайбаков «заблудшими», «кяфирями» (то есть не признающими Аллаха), «манкуртами», а некоторые и вовсе грозили возмездием: «Предатели предков, будущее ваше проклято». Даже русские пользователи, выразившие лояльность и поддержку этнической самобытности нагайбаков, были не согласны с религиозной составляющей обряда: «Вы служите нечисти. Создателю единому нашему не нужны никакие жертвы — ни денежные, ни тем более кровавые. Единый создатель наш нам сам все блага дает, любовь и все, что для нас надо».

Кое-кто из комментаторов все же выразил поддержку обряду: «Если они правильно зарежут, кровь пустят и помолются, то это и есть халяль. Вера разная, но молодцы»; «Молодцы, православные христиане. Веруют в настоящего бога». Правда, последний комментарий оказался одним из самых «заминусованных» среди пользователей и вызвал осуждение: «Придержите свое мнение при себе, нагайбаки в нем не нуждаются».

Сам обряд, включая детали его проведения, значение и смыслы происходящего, не особенно интересовал пользователей. По этому поводу написано всего четыре комментария: «Корову жалко»; «Скотину перекрестила перед забоем. Офигеть!»; «Корова причем?»; «Интересно, чего же корову закололи, свинью надо». В целом пользователи воспринимали происходящее через собственный опыт, высказывали в комментариях непонимание, осуждение, наставления или, реже, поддержку.

Сами нагайбаки почти не участвовали в данном обсуждении, но были в роли активных наблюдателей. Кое-кто оставлял поддерживающие комментарии: «Привет чебаркульцам!» или «Я из Касселя Нагайбакского района»; «у нас у нагайбаков Нагайбакского района тоже такие традиции есть». Некоторые вступали в дискуссию, отстаивая свою самобытность, например, на комментарий пользователя Battal Ibraiev: «Жаль, народ нагайбакский растворился в русском этносе» Grigoriy Burguchuyov возразил: «Никто не растворился. Живем обособленно. Живем по-своему». На предположение Махата Катабалиева, что «скоро они исчезнут, растворятся и станут Русскими», пользовательница Светик Семицветик отреагировала: «Никуда мы не исчезнем, мы бережно относимся к нашему малочисленному народу, мы бережем обычаи!»

Для некоторых видео обряда стало мотивом к поиску родственников-нагайбаков. Пользователь Рафик Гайнутдинов сообщил: «У меня мама была с Касселя. Темиркеева Раиса Александровна, она 1925 года. Интересно, остались там кто из ее родственников?» У других ролик пробудил воспоминания о родине, которыми захотелось поделиться: «Родился на станции Джабык. В школу пошел в Париже. Потом судьба бросала по России, и вот на старости вернулся в Париж. Душа моя успокоилась».

В целом нагайбаки предпочитали не обсуждать видео обряда. Несмотря на высокие показатели просмотров в социальной сети *Одноклассники* (основная аудитория там именно нагайбакская), за шесть лет его прокомментировали не более 10 раз. Создается впечатление, что для нагайбаков данный обряд и в сети является священным и закрытым от посторонних. Они по этому поводу предпочитают молчание, словно храня его таинство и тем самым оберегая покой мертвых.

ГОЛОС НАГАЙБАКОВ

После публикации материалов Всероссийской переписи населения 2020 г. на своей странице в социальных сетях *ВКонтакте* и *Одноклассники* я обратилась к нагайбакам с просьбой прокомментировать данные:

На прошлой неделе пришли результаты переписи 2020 г. по национальному составу населения России. По коренным малочисленным народам вроде все неплохо — численность снижается, но не сильно, а у кое-кого даже чуть подросла.

Но вот за нагайбаков искреннее беспокойство — численность сократилась на треть. Если по переписи 2002 г. их было 9600 человек, 2010 г. — 8148, то сейчас — 5719.

Если честно, не могу до конца объяснить столь резкое снижение. В связи с этим обращаюсь к вам, мои нагайбакские друзья. Как вы думаете, почему численность так упала? Пишите ответы в комментариях или личным сообщением. Мне как исследователю нагайбаков и просто человеку, который испытывает к вашему сообществу самые теплые чувства, важно это знать. Давайте подумаем вместе.

На мой запрос нагайбаки и сочувствующие оставили 16 комментариев во *ВКонтакте*, 20 — в *Одноклассниках*; три нагайбачки выразили свои мнения в личных сообщениях. Данные разъяснения можно условно распределить на два блока обстоятельств и факторов — формальные (внешние) и сущностные (внутренние).

Внешние причины. Формальное сокращение численности нагайбаков связано с обстоятельствами проведения самой переписи. По словам

Василия Маметьева, «качество переписи хромает»; Светлана Мамедалина предположила, что «перепись, возможно, была проведена не полностью». По оценке Михаила Миронова, «перепись была проведена некачественно. Переписчики не дошли до многих. Все данные были переписаны с госбумаг». По мнению Натальи Юскиной, проблема переписи была не только в предположительно неполном опросе представителей коренного народа, но и в необязательном заполнении графы «национальность», поэтому «многие ее не указали». Активист нагайбакского движения Александр Тептеев сообщил, что причина уменьшения числа нагайбаков кроется в отсутствии к ним интереса со стороны руководства области: «Лет 15–20 назад один из заместителей губернатора П. И. Сумина заявил: “Поете, пляшете, что еще вам нужно?”»

Иного характера внешней причиной, способствующей размыванию нагайбакской идентичности, был назван дефицит работы в родных селах и закономерный отток молодежи из родных мест:

У нас молодежь массово уезжает из деревень в другие регионы. И если в Фершампенуазе и Остроленке еще остается немного молодежи, то Париж — отсюда чуть ли не 100% молодежи уезжает. Работы вообще в селе 0, вот и бегут.

Те, кто в свое время остался в селе, вынуждены ездить на вахту в Сибирь, в соседнее село Джабык на мраморный завод, в Фершампенуаз на птичку, в г. Магнитогорск. А в самом селе **ВООБЩЕ** нет никакой работы!

Париж скоро вымрет. Печально 😞

Внутренние причины. Среди факторов сокращения численности нагайбаков пользователи называли и «обрусение», и «ассимиляцию», и отсутствие интереса к этничности со стороны молодежи. Некоторые обратили внимание на повышенную смертность в последние годы: «Ковид унес в Попово 5 человек нагайбакской нации, в аварии умерли 3 нагайбака».

Пользователи считают, что «русификация» и «ассимиляция» происходят по причине утраты нагайбаками хотя бы одной из граней их «треугольника самобытности» — казачества, православия или родного языка. По мнению священника Андрея Гупало, «нагайбаки — миссионерская нация, они родились в лоне Церкви... В советское время церковная жизнь нагайбаков была разрушена, а в 90-е возродилась без учета миссионерской специфики». Правда, не все участники обсуждения были согласны с аргументом священника: А. Тептеев возражал, что «в целом, несколько не отрицая роли церкви, но и чрезмерного преувеличения этой роли не стоит». Другая часть комментаторов предположила, что утрата родного языка ведет к ассимиляции и постепенному исчезновению народа: по мнению создательницы русско-нагайбакского словаря Ольги

Барышниковой, «для некоторых не важен родной язык. Идет процесс русификации». В комментариях к записи пользователи предлагали способы возрождения языка нагайбаков: к примеру, начать «обучать своих внуков» или на время «забыть русский язык».

Н. Юскина с пониманием относится к тем нагайбакам, которые не обозначили себя в переписи, поскольку «указывать свою национальность — выбор и право каждого». При этом она пишет о важности поддержания своей этнической идентичности, подчеркивая, что «помнить и знать свои корни, как показывает жизнь, хотят все разумные люди». Светлана Вдовина предполагает, что многие нагайбаки записывались русскими, и в целом считает это приемлемым вариантом:

Думаю, что молодежь разъехалась по городам и весям огромной России и при переписи записались русскими или другими. А рожают много. Несколько лет назад в нашем подъезде было два ребенка, а сейчас только на втором этаже 8 ребятшек, что, несомненно, очень радует. Но (наверное, более чем я уверена) они записаны русскими. Это неплохо, я считаю.

Понимание Вдовиной связано, вероятно, с тем, что она лично пережила навязанный «татарский» статус нагайбаков советского времени, в противовес которому называться русским(-ой) было удобной альтернативой. В целом результаты переписи вызвали у нагайбаков не столько разочарование, сколько размышления. Для некоторых данный опрос стал поводом воспоминаний о детстве и юности, родителях и бабушках, обсуждения насущных проблем и вариантов их решения. Впрочем, это может свидетельствовать не о безразличии, а об уверенности нагайбаков в прочности своей идентичности.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ

В 1908 г. фотограф-путешественник Михаил Круковский побывал в с. Ключевское-2 Троицкого уезда Оренбургской губернии (нынешняя северная группа нагайбаков) и выразил тягостные впечатления от знакомства с нагайбаками. По его словам, в прошлом они были «воинственным народом», однако сегодня он наблюдал «страшную нищету» и «пьянство» в деревне. Путешественник назвал нагайбаков «заброшенным, вымирающим народцем», которого «из года в год становится все меньше и меньше». После непродолжительного пребывания в Ключевском-2 он «уезжал с таким тяжелым чувством, какого никогда не испытывал в своих скитаниях по России» (Круковский 1909: 261; Белорусова 2016).

Более ста лет спустя риторика предсказаний «скорейшего вымирания» нагайбаков сохранилась: как видно из раздела

«YouTube-взаимодействие», нынешние интернет-наблюдатели также предполагают будущее нагайбаков в их «ассимиляции», «обрусении» или «исчезновении». Правда, сами нагайбаки не уделяют особого внимания чужим мнениям и формальным цифрам, в целом позитивно рассматривая свое будущее. Например, в группе «КАЗАКИ-НАГАЙБАКИ» приводится следующая информация: «Численность нагайбаков постоянно растет: 1719 год — 1,5 тысячи, 1744 год — 1,8; 1762 год — 2,7; 1833 год — 5,5; 1857 год — 6,8; 1897 год — 8,7; 1920 год — 8,9 тысячи человек, численность по переписи 2002 года — 9,6 тыс. человек». Таким образом, нагайбаки выбирают иные акценты по поводу своей дальнейшей судьбы и прогнозируют «устойчивое развитие».

Сегодня принято считать, что активизация (в том числе виртуальная) определяет жизнеспособность людей и сообществ. Существует даже провокативное высказывание, что «сегодня жизнь народа определяется ее активностью в интернете». Не отрицая данный тезис, нагайбаки в последние годы выбирают не «громкое», а «тихое» выражение этничности: публикуют материалы и отвечают только на те запросы, которые вызывают их интерес. Они не участвуют в таких больших виртуальных дискуссиях, как обсуждение видео «*Аш биру* у нагайбаков», поскольку этот обряд является частью внутренней этничности и о нем не принято открыто рассуждать. Свои проекты нагайбаки реализуют в узком кругу: они рады гостям, но обходят стороной «чужих», способны самостоятельно возводить музеи и храмы, но не превращать это в информационный повод.

Не так давно мы собирали экспертные анкеты среди лидеров коренных малочисленных народов (Головнёв, Киссер 2021; Головнёв и др. 2022). Нагайбакскую анкету заполняла заведующая музеем пос. Остроленский Тамара Бургучева. На вопрос «Назовите самые важные достижения вашего народа в обеспечении своих прав, сохранении языка и культуры» она ответила (написав заглавными буквами): «МЫ УЗАКОНЕНЫ». Ее короткий, но емкий ответ как будто отражает настроение всех нагайбаков: после длительного периода запрета на этничность получение возможности называть себя нагайбаками позволило успокоиться и почувствовать долгожданную свободу — свободу от доказательств своей идентичности, от участия в дискуссиях, от громкого позиционирования и даже от указания в переписи собственной национальности.

Отвечая на вопрос, исчезают ли нагайбаки, судя по данным последней переписи, нужно учитывать, что народ не теряется и не растворяется, а вступает в новый этап этнической истории. Из экстравертов конца 1990-х — начала 2000-х гг. они возвращаются в привычное им по XX в. состояние этнических интровертов, только на этот раз не по причине императивного установления идентичности извне, а в результате обретения статуса, обеспечивающего реализацию собственной этничности.

Это не замирание или забвение, а успокоение, которое является частью их жизненного ритма и этнической динамики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атнагулов И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. 2-е изд., изм. и доп. Магнитогорск: Дом печати, 2015. 380 с.

Белорусова С. Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135.

Белорусова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145.

Белорусова С. Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111.

Белорусова С. Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.

Белорусова С. Ю. Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 98–104.

Белорусова С. Ю. #Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 41–63.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6–32.

Головнёв А. В. Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 108–131.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Головнёв А. В. О киноантропологии // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 21–32.

Головнёв А. В., Албогачиева М. С.-Г., Белорусова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.

Головнёв А. В., Белобородов С. А., Перевалова Е. В. ЭтноЭкспедиция-2011 // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 131–135.

Головнёв А. В., Белорусова С. Ю. О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народостроительство нагайбаков // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 78–94.

Головнёв А. В., Белорусова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.

Головнёв А. В., Киссер Т. С. Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 166–193.

Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: Изд. К. И. Тихомирова, 1909. 311 с.

Видео «*Аш биру у нагайбаков*». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O5IYmhALzs8> (дата обращения: 10.02.2022).

REFERENCES

- Atnagulov I. R. *Identichnosti nagaibakov: genezis, struktura, dinamika* [Nagaibak identities: genesis, structure, dynamics]. Magnitogorsk : Dom pečati Publ., 2015. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [#Silakryashen: the virtual life of the unrecognized people]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2019, no. 2, pp. 41–63. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [Cyberethnography: methodology and technology]. *Etnografija* [Etnografia], 2021, no. 3 (13), pp. 123–145. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [From Paris to Paris: the journey of nagaibaks along the roads of their ancestors]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2014, no. 3 (44), pp. 128–135. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. [Mikhail Krukovsky's Ethnographic journey through the Southern Urals]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2016, no. 2 (51), pp. 98–104. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. *Nagaibaki: dinamika etnichnosti* [Nagaibaks: Dynamics of Ethnicity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2019. (In Russian)
- Golovnev A. V. [About Cinemanthropology]. *Antropologicheskij forum* [Forum for anthropology and culture], 2007, no. 7, pp. 21–32. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Circling in nomadic and virtual space-time]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2019, no. 2, pp. 108–131. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Close-up in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2010, no. 4 (29), pp. 14–20. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Cyber-speed]. *Etnografija* [Etnografia], 2020, no. 3 (9), pp. 6–32. (In Russian).
- Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [Anthropology of Movement (antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAS; Volot Publ., 2009. (In Russian).
- Golovnev A. V., Beloborodov S. A., Perevalova E. V. *EtnoEkspediciya-2011* [Ethnoexpedition-2011]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2011, no. 4 (33), pp. 131–135. (In Russian).
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu. [On the Individual's Role in Ethnohistory: Alexei Mametiev and the Ethnic Construction of the Nagaibaks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2018, no. 5, pp. 106–114 (In Russian).
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya* [Virtual ethnicity and cyberethnography]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2021. (In Russian).
- Golovnev A.V., Albogachieva M. S.-G., Belorussova S. Yu., Belyaeva-Sachuk V. A., Kisser T. S., Perevalova E. V. *Korennye malochislennye narody Rossii: etnokul'turnye proekcii* [Indigenous Peoples of Russia: Ethnocultural Projections]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In Russian).
- Golovnev A.V., Kisser T. S. [Projections of ethnicity of the indigenous peoples of Russia (according to a web survey)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2021, no. 2 (71), pp. 166–193. (In Russian).

Submitted: 10.01.2023

Accepted: 30.01.2023

Article published: 01.04.2023